

Глава 3

Под пристальным, тяжелым взглядом отца Цуй Юаньши почувствовал, как по спине пробежал ледяной холод. Вина за недавнюю ссору и страх перед последствиями сковали его; он стоял, низко опустив голову, не смея шелохнуться. Остальные братья и сестры тоже замерли, боясь даже вздохнуть. Младшая внучка, вцепившись в подол матери, испуганно сжалась, глядя на главу клана как на опасного зверя.

За время своего долгого беспамьяства Цуй Люй приходил в себя лишь урывками, но благодаря Цуй Чэну, который был его глазами и ушами, он знал обо всем, что творилось в доме. Раньше он считал старшего сына ни на что не годным: слишком мягкосердечным, нерешительным, неопытным в управлении людьми. Ему всегда казалось, что Юаньши легко обвести вокруг пальца и пустить по миру всё семейное достояние.

Однако в тех пугающих видениях именно этот «беспольный» сын сумел сохранить последнюю каплю их крови благодаря какому-то пустяковому благодеянию, оказанному кому-то в прошлом. Цуй Люй даже вспомнил, как когда-то жестоко наказал Юаньши за ту растрату, заставив его три дня стоять на коленях в храме предков.

Взгляд Цуй Люя скользнул по коленям старшего сына. Наказание он уже понес — за несколько дней до рокового обморока отца, когда споры о палисандровом гробе и розданных беднякам деньгах слились в одну яростную ссору.

Цуй Юаньши чувствовал, как напряжение растёт. По лбу катился пот, в горле пересохло, но он не смел издать ни звука, а уж тем более — поднять взор на отца.

— Подними голову, — властно произнес Цуй Люй. — И скажи мне: если бы я не явился в зал, как бы ты противостоял натиску своего второго дяди и старейшин?

Голос звучал всё так же сурово, как и в прежние времена. Для Цуй Юаньши этот тон был подобен затишью перед бурей — за ним всегда следовали либо тяжелые испытания, либо суровая кара. В комнате стало так тихо, что было слышно биение сердец.

Последние полгода стали для Юаньши настоящим кошмаром. Он не только дни и ночи проводил у постели больного отца, но и пытался тянуть на себе всё хозяйство. Едва Цуй Люй слег, на старшего сына обрушился груз ответственности, к которому он оказался не готов. Он впервые осознал, сколько коварства и жадности порождают деньги. За эти месяцы доходы поместья упали, в книгах замелькали красные цифры убытков, а родственники и прихлебатели всех мастей ежедневно являлись в дом, требуя своей доли. Клеймо «непочтительного сына, доведшего отца до удара» лишило его всякого авторитета в глазах клана.

Теперь Цуй Юаньши наконец понял ту холодную отчужденность, с которой отец всегда относился к соплеменникам. За тем, что сын раньше называл бессердечностью, скрывалась лишь необходимость защищаться от толпы кровожадных паразитов.

Пока он молчал, слово взял второй сын — Цуй Чжунхао. Он был всего на два года младше старшего брата и уже имел троих детей.

— Брат мучается угрызениями совести, — вкрадчиво начал он. — Теперь ему не по силам нести бремя наследника. Но я могу взять это на себя. Мы уже обсуждали это с дядей до вашего прихода: он согласен передать бразды правления мне.

Цуй Люй перевел взгляд на второго сына. Чжунхао унаследовал черты покойной матери: его круглое, румяное лицо всегда светилось добродушной улыбкой. Казалось, с ним легко договориться, и действительно — среди посторонних он пользовался репутацией приятного человека. Вокруг него вечно крутились ученые мужи и искатели легкой наживы, рассыпаясь в комплиментах.

Но в тех снах именно этот сын оказался больше всего похож на самого Цуй Люя. После раздела имущества он единственный сумел приумножить богатство, не выделив ни гроша ни старшему, ни младшему братьям.

— Ты с детства был близок со вторым дядей, — с едва уловимой иронией произнес Цуй Люй. — Неужели ты не пытался стать посредником? Сгладить острые углы между дядей и братом?

Цуй Чжунхао на мгновение замялся, но тут же нашелся:

— Пытался, отец! Но дядя твердит, что поступки брата нарушают законы сыновней почтительности, и клан не примет такого главу. Поэтому я и решил принести себя в жертву, приняв на себя эту тяжкую ношу. Вы же знаете, отец, я не силен в делах управления. Я готов быть лишь... ширмой, номинальным главой. На деле же всем по-прежнему будет заправлять старший брат. В нынешней ситуации это самый разумный выход, который позволит избежать раскола в семье.

Цуй Люй слушал разглагольствования сына, скрывая холодный блеск в глазах за полуопущенными веками.

— Значит, по-твоему, — негромко спросил он, — тот спектакль, что твой дядя устроил в зале, был лишь способом расчистить тебе дорогу? Помочь тебе возвыситься?

Чжунхао уже готов был подтвердить, но внезапно натолкнулся на прямой взгляд отца и вздрогнул. До него наконец дошел скрытый смысл этих слов.

Сговориться с чужаком, чтобы притеснять родного брата — это преступление куда более тяжкое, чем обычный спор из-за наследства. Каким бы близким ни казался второй дядя, с того момента, как он отделился и завел собственное хозяйство, он стал для их дома посторонним.

Цуй Чжунхао рухнул на колени, издав глухой звук, от которого вздрогнули все

присутствующие.

— Отец! Я не смею... Я и в мыслях такого не держал! Это... это брат сам предложил! Сначала я отказывался, но ради спасения нашего дома и защиты близких мне пришлось согласиться. Брат, Юань! Ну скажи же отцу! Подтверди мои слова!

Цуй Юань тоже опустился на колени и совершил земной поклон.

— Это правда, отец. Я сам обратился к младшему брату. Моя репутация погублена, и я более не имею права называться наследником. Второй дядя всегда относился к Чжунхао как к родному сыну, поэтому он не станет идти против него. Если брат встанет во главе, это успокоит дядю.

Цуй Люй коротко, сухо рассмеялся, и этот смех мгновенно сменился ледяным тоном:

— Цуй Юань, я даю тебе один шанс. Скажи правду.

Тридцать лет Юань воспитывался подле отца и прекрасно знал, что означает этот тон. Когда Цуй Люй называл сына по полному имени, это означало, что он видит его насквозь и дает последнюю возможность избежать суровой кары, признав истину.

Но Цуй Юань чувствовал на себе пристальный взгляд брата. Второго дядю можно было назвать чужаком, но Чжунхао был плотью от плоти их семьи. Какими бы ни были подозрения Юань, пока умысел не доказан делом, он не мог сделать брата мишенью для отцовского гнева. Он не мог подставить его под этот испепеляющий огонь.

Юань крепко стиснул челюсти и молча склонил голову. Цуй Чжунхао, стоявший рядом, втайне облегченно выдохнул, чувствуя, как холодный пот пропитал одежду на спине. Его затуманенный амбициями разум наконец начал проясняться. Глядя на спину старшего брата, он испытал сложное чувство.

Как он мог забыть? Его старший брат был единственным, кого отец воспитывал лично с самого рождения. Из пятерых детей только Юань с первого дня жизни рос под крылом Цуй Люя в передних покоях, и даже матери приходилось заранее докладывать о своем визите, чтобы увидеть первенца. Старшего брата готовили в преемники главы клана десятилетиями. Пусть он часто молчал, но наверняка понимал всё не хуже отца.

«Он ведь знал... Знал, что я задумал, еще тогда, когда я только заикнулся о переговорах с дядей. Знал — и всё равно согласился подыграть мне».

Чжунхао сжал кулаки, в глазах защипало от подступивших слез. Но обида всё равно грызла сердце. Ведь именно он, Чжунхао, был самым способным к наукам! Только он получил степень сюэца! Почему же он не может занять это место, раз репутация брата очернена? Разве отец не

учил, что своё добро чужим не отдают? Вот он и старался — для семьи!

Пятому, самому младшему сыну, Цуй Цзикану, едва исполнилось шестнадцать. Его поспешно женили лишь для того, чтобы успокоить мать перед её кончиной. Перед отцом и старшими братьями он никогда не имел права голоса, и сейчас, кажется, его терпение лопнуло. Увидев, что в комнате воцарилось гнетущее молчание, он не выдержал:

— Но ведь второй брат должен был быть на стороне Юаньи! Должен был защищать его перед дядей! Отец ведь просто был в беспамятстве, а не... не умер! Навесить на брата ярлык «непочтительного сына» — это значит лишить его жизни в клане. Даже когда мы в будущем разделим имущество, это пятно на репутации позволит дяде отобрать у него долю или вовсе выгнать из рода! Дядя просто хочет избавиться от Юаньи...

Цуй Чжунхао резко обернулся и оборвал его гневным взглядом. Но Цзикан был любимцем матери и не слишком боялся второго брата. Он упрямо закончил свою мысль, хоть и тише:

— Второй брат должен был до последнего защищать доброе имя старшего. Использовать свое расположение у дяди, чтобы выиграть время и дожидаться пробуждения отца. А не спешить вместе с остальными клеймить брата позором и требовать передачи власти.

Для младшего сына отец всегда был несокрушимой скалой. Пока старик лежал в коме, Цзикан единственный жил без лишнего груза на душе — он просто не верил слухам и не сомневался, что его могучий отец не может просто так умереть.

Цуй Люй посмотрел на младшего сына, и его черты внезапно смягчились. Голос его зазвучал непривычно тепло:

— Цзикан, как успехи в твоём мастерстве? Удалось ли тебе сделать деревянную птицу, которая сможет летать?

Цзикан захлопал глазами и удрученно покачал головой:

— Не летит, отец. Слишком тяжёлая. Она не может подняться в небо, как бумажный змей... Наверное, я слишком глуп для этого.

Цуй Люй медленно покачал головой.

— На днях я найду тебе хорошего наставника. Одному тебе не справиться, тут нужны знания мастера. Ничего, не торопись, всё получится.

Опять. Это странное чувство снова наполнило комнату.

Все присутствующие изумленно уставились на главу клана, как и тогда в зале, когда он признал свою ошибку. Это было за пределами их понимания. Слишком невероятно.

Цзикан, еще не научившийся скрывать свои мысли, спросил прямо:

— Отец, вы... что с вами?

Такая перемена пугала. Он не смел радоваться поддержке своих увлечений — всё это казалось каким-то нереальным сном.

Внезапно голову Цуй Люя пронзила резкая боль, перед глазами всё поплыло. Ему почудилось, что по телу младшего сына непрерывным потоком течет кровь. В руках Цзикана был арбалет, сделанный наспех, чтобы спасти отца: тетива лопнула, ложе треснуло, а сам юноша был утыкан стрелами. Но даже умирая, он не отступал от тюремной телеги, защищая отца до последнего вздоха.

В тот год Цзикан только-только познал радость отцовства, но не успел насладиться ею — на семью обрушилось ложное обвинение и тюрьма. Ни жена его, ни новорожденный сын не пережили суровых застенков...

— Гм! — Цуй Люй резким движением смахнул со столика курильницу.

Его лицо побледнело и исказилось в яростном оскале, в глазах вспыхнуло безумие. Он прошипел сквозь зубы:

— Никто... Слышите? Никто не смеет губить моих детей ради какой-то там «сюжетной линии»! Если я узнаю, кто за этим стоит — прикончу собственноручно! Ни богам, ни демонам пощады не будет!

Тот сон так и не дал ответа: зачем тем людям понадобились его земли? Зачем было превращать плодородные поля в изрытую глубокими ямами пустошь?

Его род владел этими землями столетиями, десятки поколений возделывали эту почву. Будь там хоть какое-то сокровище — его бы давно нашли. Зачем было ждать столько лет? Что за ценность скрыта в его поместье, раз ради неё решили уничтожить весь его клан?

— Отец! Отец, пощадите! Простите меня! — Цуй Чжунхао, чьи нервы не выдержали этой вспышки ярости, пополз к ногам отца, непрерывно кланяясь. — У меня и в мыслях не было сговариваться с дядей против брата! Я никогда не посмею поднять руку на родную кровь! Отец...

— Ты... — Цуй Люй указал на него дрожащим пальцем. — С такой слабой волей ты решил «играть с тигром»? Тебя же второй дядя продал бы, а ты и не заметил бы! Идиот! Голова

забита мертвыми книгами! Даже младший брат видит суть вещей, а ты возомнил, что сможешь всех обмануть... Как у меня мог уродиться такой скудоумный отпрыск?

Он повернулся к Цуй Чэну:

— Завтра же отправляйся в управу. Пусть его лишат степени сюцяя. Подай прошение об исключении его из списков за преступную непочтительность к старшим.

Цуй Люй еще не знал, откуда именно придет беда, но помнил одно: роковой поворот в судьбе клана начался именно тогда, когда этот сын сдал экзамен на степень цзюйжэня и отправился учиться в столичную академию.

Значит, он начнет перемены здесь и сейчас. Он лишит его этого пути, чтобы изменить будущее.

<http://bllate.org/book/16118/1580767>